

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ САВИЦКИЙ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

sawiz@onego.ru

РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ И ПУБЛИЦИСТЫ О РОЛИ КРЫМСКИХ ТАТАР В «КРЫМСКОЙ ВЕСНЕ»

Статья посвящена изучению публикаций российских авторов 2014–2019 годов о роли крымских татар в событиях «крымской весны» и их отношении к принятию полуострова в состав России. В отличие от изучения предыдущих исторических периодов в истории этноса, данная тема еще не была предметом исследования. При этом сложная интеграция крымских татар в российское общество, политизированность связанных с этим вопросов и большое количество вышедших публикаций в разных научных областях обуславливают значительную актуальность историографического исследования. В задачи работы входит систематизация имеющихся материалов, выявление особенностей и общих черт в публикациях авторов, а также преемственности их точек зрения на деятельность крымских татар в событиях 2014 года (участие в февральских митингах и мартовском референдуме, отношение к нормативным актам российского руководства и сложившейся экономической и политической ситуации в целом). При этом предметом исследования является развитие историографической ситуации вокруг «крымско-татарского вопроса» в тематическом и хронологическом отношениях. Особенностью начального этапа историографии в современных условиях является его публицистичность и полидисциплинарность, поэтому автор использует работы историков, этнологов, политологов, юристов, а также журналистов, разделяя их по группам и направлениям. В статье выделены три направления в изучении крымских татар: критическое, негативно оценивающее деятельность их национальных организаций; лояльное, акцентирующее положительные стороны в поведении представителей этноса; этнополитическое, стремящееся к анализу всех деталей крымско-татарской проблемы. Весь историографический процесс разделен на три условных периода, не имеющих четких границ: политизированный (2014 – начало 2016 года), эмпирический научный (2015 – конец 2016 года) и период научного осмысления пройденного (с 2017 года). При этом автор отмечает сохранение существовавших до 2014 года историографических традиций в изучении истории крымских татар, неравномерность интереса исследователей к деятельности национальных организаций, наличие белых пятен в изучении их роли в событиях 2014 года, а также медленное развитие источниковой базы для изучения данной проблемы.

Ключевые слова: «крымская весна», крымские татары, этнополитика, российская историография, национальные объединения, этническая интеграция

Для цитирования: Савицкий И. В. Российские ученые и публицисты о роли крымских татар в «крымской весне» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 50–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.516

ВВЕДЕНИЕ

Полиэтничность как одна из базовых составляющих Российской Федерации всегда привлекала внимание исследователей. Не стало исключением и изучение «крымской весны» 2014 года, давшей мощный импульс общественному развитию и другим, еще не завершившимся процессам. Важным аспектом этой темы является деятельность крымских татар в событиях февраля – марта 2014 года¹. Противоречивое освещение истории этого этноса из-за событий XX века в настоящий

период претерпевает значительные изменения: в результате крымской септимии крымские татары стали полноправными гражданами Российской Федерации, и неосторожное обращение с исторической памятью вполне может быть квалифицировано как разжигание межнациональной розни. Актуальность темы подчеркивается протестом крымско-татарской общественности против использования школьного учебника по истории Крыма для десятых классов, в котором акцентировался коллаборационизм крымских та-

тар², а также резолюцией Генеральной ассамблеи ООН о нарушениях прав человека на Крымском полуострове от 31 октября 2019 года. В данной ситуации велика роль неполитизированного научного подхода. Анализируя эволюцию взглядов коллег на наиболее актуальные вопросы недавнего, но прошлого, историк помнит о четырех основных задачах историографии – познавательной («кто, где, когда»), рефлексивной («все ли было так»), рациональной («учесть уроки прошлого») и никуда не ушедшей пропагандистской («нужно только так»). При этом важной особенностью историографии новейшей истории является публицистический уклон, объясняемый принадлежностью авторов к поколению, современному изучаемым событиям. Этому способствуют эмоциональность, использование узкого круга доступных источников, определенная предвзятость в восприятии событий, приводящие к методологической эклектике (от добротного позитивизма до псевдонаучного идеологического пафоса) и незавершенности выводов. Тем не менее без этого этапа историографии дальнейшее ее развитие было бы невозможно.

Новейшая история крымских татар до событий 2014 года была объектом изучения как российских [12], [28], так и зарубежных авторов [47]. В задачи данной статьи входит систематизация точек зрения широкого спектра научных исследований и наиболее крупных публицистических работ о роли крымских татар в событиях 2014 года. Среди бума опубликованных в 2014–2019 годах работ, посвященных «крымской весне»³, редкий автор не затрагивал этнополитические аспекты этого события (при этом особым вниманием пользуются результаты социологических опросов [11: 25–26]). Поэтому статья носит полидисциплинарный характер, а ее предмет исследования ограничен лишь мнениями ученых и публицистов о деятельности крымских татар на полуострове и их отношении к российской государственной власти зимой – весной 2014 года; историчность дальнейших сюжетов в настоящий период не очевидна.

***

Можно выделить несколько направлений в изучении политического поведения крымских татар российскими авторами. *Первое* из них целесообразно назвать критическим: оно негативно оценивает роль представителей крымско-татарской общественности в 2014 году и склонно проецировать это отношение на другие этапы российской истории (при этом обходя такие сюжеты, как московско-крымский союз при Иване III или

борьба крымских татар против нацизма). Ярким представителем этого направления является А. Б. Широкорад. За политизированность и поверхностный взгляд на объекты своего изучения его публицистические работы не единожды подвергались критике, в том числе и петрозаводскими историками [41: 70–71]. Если первоначально в своей книге, подписанной в печать уже в апреле 2014 года, А. Б. Широкорад пугал читателя угрозой создания татарского халифата [43: 331], то в дальнейшем автор перешел к более конкретному описанию. По его мнению, роль крымских татар в событиях на полуострове была активна и направлена против пророссийских сил: они якобы заранее организовывали схроны с оружием, сорвали сессию Верховного Совета Крыма 26 февраля и пытались захватить власть путем организации территориальных штабов под контролем меджлиса⁴ [44: 181–192]. При этом автор не обращает внимания на митинги крымских татар до 26 февраля (упоминания о них можно найти у других, не менее ангажированных публицистов [37: 50]), а также переоценивает влияние меджлиса и монолитность крымско-татарской общественности в целом. В отличие от А. Б. Широкорада другой автор – полковник В. Н. Баранец – в своем «документально-художественном исследовании» все же указал на разделение крымских татар в «битве при парламенте» на сторонников и противников возвращения Крыма в состав России [1: 216].

Важная черта публикаций с односторонними негативными оценками действий крымских татар – отсутствие исследовательского характера. Некритическое отношение к источникам, необходимость дополнительного обоснования тезисов и выводов, игнорирование вклада не только специалистов, но и себе подобных авторов приводят к тому, что результаты работы публицистов невозможно использовать в научной литературе иначе как в качестве историографического казуса.

Второе направление выглядит малозаметным на фоне остальных из-за нечеткости своей позиции. Автор назвал бы его лояльным, выжидательным. Причисляемые к нему исследователи более внимательно анализируют ситуацию и отмечают наличие среди крымских татар других общественных объединений, в том числе оппозиционных «Меджлису». Более того, они воспринимали антироссийскую позицию «Меджлиса» как временное явление, и лишь запрет его деятельности на территории России в 2016 году положил конец данным заблуждениям. Одним из примеров «выжидательной» позиции можно считать

статью профессора В. К. Самигуллина, поставившего перед исследователями ряд вопросов: что на самом деле представляют собой крымские татары (этнос или часть другого этноса), что они думают о себе, как должны развиваться в современных условиях, должны ли бороться за культурную, национально-территориальную автономию или независимость? В завершение этого перечня автор допустил бессмысличество поставленных им же вопросов [33: 18], что может говорить о большой растерянности исследователя в сложившейся политической ситуации.

Схожа по своей направленности и публикация академика АН Республики Татарстан И. Р. Тагирова, в прошлом первого председателя Всемирного конгресса татар. Как и предыдущий автор, И. Р. Тагиров дал краткий обзор роли крымских татар в истории полуострова, подчеркнул роль Президента Татарстана Р. Н. Минниханова в «убеждении» Р. Чубарова и В. В. Путина в возможности компромисса, а также в общих чертах обрисовал недоброжелательную позицию руководства Меджлиса. При этом объектом критики со стороны автора стало руководство Республики Крым, чья «не совсем адекватная» позиция привела к избиениям и убийствам крымских татар, более 7 тысяч которых были вынуждены уехать с полуострова. Кульминацией размышлений автора стало утверждение о противоречии между действиями руководства Республики Крым и позицией Президента России В. В. Путина, «стоящего за справедливое решение статуса крымско-татарского народа» [40: 83, 85]. Несмотря на безусловную поддержку позиции российского Президента, статья И. Р. Тагирова была быстро признана тенденциозной из-за идеализации политики Меджлиса [3: 209], [4: 123]. Однако необходимо иметь в виду, что его материал был написан под влиянием временного улучшения отношений между «Меджлисом» и российской государственной властью: вице-премьером Республики Крым был Л. Э. Исямов, а лидеры этого движения публично призывали население к спокойствию (в том числе на мартовском курултае в Бахчисарае с участием Р. Чубарова и Р. Н. Минниханова). Это обусловило положительное отношение И. Р. Тагирова к деятельности данной организации. Однако необъективность автора оказывается в игнорировании других крымско-татарских общественных сил и в наивном стремлении столкнуть между собой позиции центральной и региональной властей, что явно не соответствует задачам научной публикации.

В похожую ловушку попал и «школьный путеводитель» по истории Крыма Б. Г. Деревен-

ского: показав активную роль крымских татар в столкновениях 26 февраля и их убедительную (хоть и временную) победу, автор проиллюстрировал этот этап крымской истории тремя фотографиями, в том числе митинга 26 февраля у здания Верховного Совета Крыма (с явным превалированием флагов Евромайдана) и курултая крымских татар с крупным изображением их лидеров (включая двух руководителей «Меджлиса») [15: 74–78]. Запрет деятельности этой организации в России и заочный арест ее лидера за подрыв основ государственной безопасности России поставили автора школьного пособия в неловкое положение: в тексте не хватает упоминания о том, что именно данные лица были в числе инициаторов экономической блокады Крыма.

Третье направление можно назвать этнополитическим. Сюда на нынешнем историографическом этапе можно включить и юридические, и этнокультурные исследования, так как все они касаются положения крымских татар в новом для Крыма статусе. В данном направлении превалируют научные публикации; однако чем лояльнее исследователь относится к пропагандистской функции науки, чем менее аргументированы его выводы, тем сильнее его работа приобретает публицистический оттенок. Основными позициями являются акцентирование неоднородности мнений крымско-татарской элиты о принятии Крыма в состав России и приоритетной роли руководства Российской Федерации в решении крымско-татарской проблемы. При этом основной источник нормотворчества российского руководства – указ Президента РФ от 21 апреля 2014 года № 268 (как и усиливший его смысл указ от 12 сентября 2015 года) часто остается за кадром и анализу не подвергается. Одну из причин этого можно видеть в понимании исследователями роли мелкого бизнеса как основного интереса крымских татар, в отсутствии у представителей этого этноса «иждивенческих установок» [14: 580]. Данное мнение не бесспорно, однако решение «крымско-татарского вопроса» действительно зависит не столько от дотаций из госбюджета, сколько от создания возможностей для самостоятельного эффективного развития частного предпринимательства, в том числе совместно с иностранным. В российских условиях эта проблема выходит за рамки этнополитической, и указ Президента 2014 года изначально не мог быть нацелен на ее полное решение (создание экономических привилегий по этническому признаку противоречило бы принципам демократического общества). Указ мог быть действенен

только в комплексе с другими мероприятиями по поддержке крымско-татарского населения, обзор которых дан в статьях В. Е. Полякова [29: 164], Д. С. Маслякова [20] и других авторов. Одновременно исследователями приводятся данные о недовольстве со стороны русского населения льготами, полученными крымскими татарами по итогам президентского указа [18: 115]. Это может актуализировать в будущем изучение феномена «позитивной дискриминации» крымских татар.

Можно предположить еще одну причину поверхностного отношения исследователей к значению указа № 268 – политика государства в отношении земельных самозахватов. В тексте документа об этом напрямую не говорилось, но исследователи изначально связывали его действие с предстоящей амнистией по земельным захватам [2: 180], [3: 211]. Между тем в реальности государство начало активное наступление на 59 «полян протеста» [46: 291], одновременно выдав к 2016 году документы на 3,5 тысячи земельных участков [19: 160].

По мнению профессора Института права и национальной безопасности РАНХиГС А. Н. Михайленко, за 2014 год Россия для крымских татар «сделала больше, чем Украина за всю свою независимую историю» [21: 35]. Между тем, по словам руководителя сектора изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии РАН В. И. Мукомеля и его коллег, очевидные потери крымских татар от присоединения к России пока не перекрываются соответствующими дивидендами. От правительственные мер выиграли бюджетники, государственные и муниципальные служащие, а также служащие без высшего образования [22: 60]. Опубликованные позднее тем же автором высказывания крымских татар об «удушении» мелкого бизнеса и высоком уровне коррупции отражают, по его мнению, эрозию ожиданий крымчан и усиление неоднородности отношения крымских татар к России [23: 147–148, 155].

Важным вкладом в изучение крымско-татарской проблемы в 2015 году стала коллективная монография, подготовленная известными крымскими историками и политологами [46]. Рассматривая всю этнополитическую историю Крыма, авторы подробнее останавливаются на рубеже XX–XXI веков. Исследование наглядно показало, насколько сложна работа с источниками по изучению периода, еще не ушедшего в историю. Авторы используют в основном личные наблюдения, подстраховывая друг друга и изредка ссылаясь на нормативные документы, материалы СМИ и опубликованный к тому времени

соборник документов [13]. Показывая эволюцию крымско-татарского движения, они акцентируют внимание на внутренних противоречиях в его развитии, связи меджлиса с Евромайданом, а также подробно прослеживают ход событий 2014 года (с указанием несовпадающих с их точками зрения позиций) и ближайшие последствия введения президентского указа. По данным авторов, за присоединение Крыма к России могли проголосовать максимум четверть крымских татар при значительной доле воздержавшихся [46: 276]. При этом используемые авторами эпитеты бывают предельно честны; например, упоминавшийся выше вклад руководства Татарстана и Башкортостана в развитие отношений с крымскими татарами авторы назвали «массированной обработкой» меджлиса, а лидеров этой организации – изгнанными [46: 279, 283]. Несмотря на преждевременный вывод о том, что «с возвращением Крыма в состав России потребность в протестном национальном движении для крымских татар исторически отпала» [46: 281], такой подход до сих пор сохраняет актуальность данного издания.

Мнение о деполитизации этнического факто-ра в Крыму высказала и профессор Крымского федерального университета Т. А. Сенюшкина [36: 83], задолго до «крымской весны» предсказавшая усиление межэтнической напряженности в Крыму и ее зависимость от интенсивности геополитического соперничества [34: 378]. Именно Т. А. Сенюшкина к 2017 году показала частичную переориентацию представителей меджлиса в пророссийскую сторону на примере деятельности Ремзи Ильясова [45: 130] (избранного в Государственный Совет Республики Крым от партии «Единая Россия»). Таким образом, меджлис до и после событий 2014 года – это разные по количественному и качественному составу организаций.

Анализируя значение президентского указа № 268, Т. А. Сенюшкина справедливо связывает его с положениями Федерального закона от 29 ноября 2014 года № 377-ФЗ о создании в Крыму свободной экономической зоны сроком на 25 лет [36: 83–84], что могло способствовать развитию частного бизнеса и других сфер экономики. Приверженность цивилизационному подходу обусловила признание автором за крымскими татарами «своей версии коллективной памяти и исторической правды», способствовавших состоянию «коллективной виктимности». Между тем реальный социальный и экономический статус крымских татар, по ее словам, выше официально декларируемого, и потерять его в противостоянии с новой властью они не захотят [35: 189].

Мнение о лучшей материальной обеспеченности (например, земельными участками) крымских татар по сравнению с представителями других этнических групп высказывали и другие исследователи [42: 64].

Важное значение в рассмотрении данной темы имеют исследования московского этнографа Р. А. Старченко, основанные на этносоциологических опросах Института этнологии и антропологии РАН 2013–2014 годов. По его данным, в референдуме 2014 года приняли участие около 47 % крымских татар [38: 185], что является значительной цифрой на фоне предположений других авторов; 42 % опрошенных отрицательно отнеслись к Евромайдану, характеризуя его как государственный переворот (остальные точки зрения получили меньше поддержки) [38: 195]. Р. А. Старченко акцентирует внимание на пророссийских настроениях среди этого этноса, объясняя противоположную позицию исторической памятью населения о депортации 1944 года и снижая, таким образом, степень недовольства крымских татар современными российскими условиями. Соглашаясь с тем, что указ Президента 2014 года – это красивый политический ход, автор подчеркивает его актуальность на фоне 23-летней недооценки проблемы депатрированных в украинском законодательстве [39: 163–165].

Особое место в изучении этнополитической ситуации принадлежит монографии профессора КубГУ, доктора исторических и политических наук А. В. Баранова, ставшей результатом десятилетней исследовательской деятельности автора. Учитывая объект исследования (этнополитические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму), автор с ювелирным изяществом сформулировал методологическую базу работы, дал краткий историографический обзор исследований, посвященных как пророссийским, так и крымско-татарским движениям, а также указал на большинство акций и достижений крымских татар в ходе «крымской весны». А. В. Баранов отмечает усиление неоднородности крымско-татарского движения с 2010 года, а также снижение уровня межэтнической конфликтности среди крымских татар в 2014 году на 40 %, связывая это с политикой России в Крыму и Украины в Донбассе. А. В. Баранов одним из первых указал на важность изучения деятельности «Милли фирмка», «Кырым бирлиги» и других общественных организаций. Признавая их пророссийскими, исследователь тем не менее отметил pragmatism их позиций, связанный с опасениями за будущее своего народа. Причину же снижения влияния Меджлиса автор

видит в отрицании факта воссоединения Крыма с Россией и отказе от межэтнического диалога [4: 123–130]. Хотя с точки зрения историка автор монографии уделил недостаточно внимания источниковедческому аспекту своего исследования (нормативные документы, опубликованные воспоминания, материалы электронных СМИ), его выводы и рекомендации о профилактике этнополитических конфликтов сохраняют актуальность. При этом он избегает публицистической остроты и не стремится показывать конфликт в сферах, где его нет (например, это касается критической позиции Турции в отношении Меджлиса и по сути признания ею Крыма российским де-факто [4: 21, 129]).

Одним из перспективных направлений в научном изучении позиции крымских татар является анализ их идентичности. Ее актуальность политологи видят в связи между самоидентификацией граждан и их отношением к проводимой политике [11: 28]. Чаще всего авторы сводят многоуровневое понятие идентичности к конструктивистской парадигме этничности; при этом анализируются статусные роли и результаты взаимодействия акторов политики, использующих примордиальные основы идентичности как инструмент конструирования политической реальности. По словам А. В. Баранова, данная политика проводится с целью нациестроительства, то есть закрепления гражданской нации на надэтнической основе, и должна включать в себя систему мер, направленных на конструирование, воспроизведение и трансляцию позитивного общенационального самосознания россиян [4: 9, 158]. Таким образом, политика современной российской идентичности по сути должна взять реванш за крах конструктивистского проекта «единого советского народа».

Исследователи предостерегают от абсолютизации данной методики. В частности, В. И. Мукомель напомнил о синдроме «навязанной» идентичности применительно именно к крымским татарам [24]⁵. Тем не менее результаты опросов крымчан показали конкретные результаты: накануне событий 2013–2014 годов крымские татары на 80 % придерживались этнической идентичности (в отличие от государственной идентичности русских и украинцев) и по результатам анкетирований выглядели наиболее сплоченным этносом. При этом причинами межэтнической напряженности после принятия полуострова в состав России 36,5 % опрошенных крымских татар называли (как и можно было ожидать) социально-экономические проблемы, на что представители славянских национальностей обращали гораз-

до меньше внимания. Четверть крымских татар была обеспокоена провокационным поведением других национальностей (можно догадаться, каких), однако среди русских эта доля выросла до 43 % [5: 5–8]. В ходе анкетирования в октябре 2015 года лишь 16 % крымских татар признали себя россиянами, а к июню 2016 года – 8 %. При этом 44 % крымских татар были удовлетворены ситуацией в Крыму. И хотя опросы проводились разными организациями, эти цифры показывают, что о деполитизации этнического фактора на полуострове говорить еще рано. Риски конфликта идентичностей высоки, и они сосредоточены в столице Республики Крым [6: 67–68], [22: 60–65], что объясняется концентрацией ресурсов власти; зоной риска к 2018 году были признаны и степные районы в связи с их экономической депрессивностью и близостью к российско-украинской границе [7: 357].

Так или иначе, нынешняя ситуация находится в постконфликтном состоянии. В. И. Мукомелем были выделены пять причин снижения политической напряженности в регионе, лежащих в бытовой и коммуникационной сферах [23: 144–145]. По мнению же полковника С. А. Буткевича, планы радикалов были аннулированы пророссийским выбором большинства крымчан на мартовском референдуме 2014 года, последующим военным присутствием России на полуострове, ужесточением правоохранительного контроля над преступностью и действием российского уголовного закона [9: 59]. К сожалению, авторы не учли активного противодействия радикалам со стороны пророссийских организаций (например, «Себат»), а также стремления российских властей к решению проблем крымских татар. При этом, по мнению С. А. Буткевича, вероятность спорадического, латентного характера деятельности радикалов сохраняется в местах компактного проживания этнических диаспор.

Безусловно, указанные три направления изучения крымских татар взаимосвязаны и имеют общие точки соприкосновения. К ним относятся признание Республики Крым и города Севастополя частью Российской Федерации, ведение бизнеса как основного объекта интереса крымских татар и признание их настороженного отношения к изменению статуса Крыма. По развитию этих трех направлений можно предположить, что некоторые из них в настоящий период перестали быть актуальными. Поэтому целесообразно выделить три этапа развития исследовательского интереса в отношении крымских татар после 2014 года, не имеющих резких хронологических гра-

ниц и зависящих от эволюции позиции каждого исследователя.

1) *Историография 2014 – начала 2016 года* отличается эмоциональностью и недостаточной толерантностью ряда патриотически настроенных авторов на фоне бума публикаций о «крымской весне», объясняемого общественной эйфорией от принятия в состав Российской Федерации новых субъектов. При этом была заметна растерянность со стороны специалистов, симпатизировавших своему объекту исследования, что привело к постепенному прекращению их публикаций.

2) *Историография 2015 – конца 2016 года* отличается более научным, эмпирическим подходом. В данный период Р. А. Старченко была защищена первая диссертация о крымских татарах, включающая сюжет о «крымской весне» (анализу диссертационных работ посвящена отдельная статья [32]); ее материалы стали основой для совместной работы с крымскими исследователями [45]. Кроме того, были опубликованы другие коллективные и индивидуальные монографии, демонстрировавшие комплексный подход к изучению проблемы.

Одновременно разворачивается критика ряда работ, посвященных истории крымских татар. В частности, были раскритикованы взгляды автора капитальной четырехтомной «Истории крымских татар» [12] – известного историка-скандинависта, профессора СПбГУ В. Е. Возгрина (1939–2020). Его петербургские коллеги встретили книгу вполне доброжелательно, чего нельзя сказать об украинских и тем более крымских историках. В рецензии на одну из его работ известный крымовед, профессор КФУ им. Вернадского А. А. Непомнящий определил В. Е. Возгрина как автора некорректной с научной точки зрения концепции «коренного народа» в истории Крыма [27: 147–148]. Другие крымские историки в выражениях не стеснялись и придумали связанный с фамилией В. Е. Возгрина обидный термин, подразумевающий необоснованное преувеличение значения конкретного народа в истории региона. Значение публикаций петербургского профессора на сегодняшний день противоречиво: с одной стороны, современные авторы напрямую не используют его работы (упоминания о них встречаются лишь в историографических разделах диссертаций), с другой – его вклад отражается в статьях В. К. Самигуллина, И. Р. Тагирова и других авторов, сочувствующих крымско-татарскому национальному движению.

Многие исследователи акцентировали способность России решить крымско-татарский вопрос административно-правовыми методами и уже

констатировали исчерпанность данной проблемы. Кроме того, была усиlena критика «Меджлиса крымско-татарского народа» в связи с запрещением деятельности этой организации на территории России.

3) С 2017 года начинается осмысление прошедшего, вводится понятие историографии «крымской весны» [31], публикуется капитальный двухтомный труд «История Крыма». В главе о «крымской весне», написанной доцентом КФУ им. Вернадского А. Р. Никифоровым, описана антироссийская политика Меджлиса и агрессивные действия его сторонников с применением толченого стекла, дубинок и газовой атаки. Однако затем автор сместил акцент на деятельность пророссийской «Милли Фирки», сославшись на мнение о нейтральном и благожелательном отношении крымских татар к референдуму вследствие миротворческой роли мусульманских организаций России [17: 746–750].

Важной чертой этого периода стало признание недочетов в национальной политике и нарушении прав человека на полуострове. При этом если профессор Т. А. Сенюшкина лишь ссылается на мнение зарубежных организаций [45: 171], то ее коллега доцент КФУ им. Вернадского Э. С. Муратова в доказательство приводит фрагменты интервью с крымскими беженцами в Львовской области Украины. Ее публикации содержат упоминания о патрулировании крымскими татарами своих сел в период событий Евромайдана, стычках с отрядами «самообороны» и вынужденной эмиграции из-за опасений поддержки российской армией тех сил, с которыми они конфликтовали [26: 91]. По ее мнению, задержания и аресты мусульман в Крыму стали фактором, способствующим сближению крымских татар, принадлежащих к разных исламским течениям [25: 141]. К сожалению, автор не дала всесторонней характеристики «глубинных интервью» и не показала степень влияния на сознание беженцев общей нервозной обстановки, общественных стереотипов и информационной войны. Учет этих пунктов может стать новым стимулом для изучения социальной памяти (memory studies) крымских татар.

В итоге прошедшие шесть лет были наполнены активным изучением как роли крымских татар в событиях 2014 года, так и крымско-татарского вопроса в целом. Оно является отражением общественных настроений в России данного периода, признаком осознания новой общественно-политической реальности и необходимости по-новому взглянуть на историю крымских татар, долгое время воспринимавшихся антиподами пророссийских сил на полуострове.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, изучение роли крымских татар в событиях 2014 года развивается динамичными темпами и является одним из самых популярных объектов внимания исследователей «крымской весны». Может ли историография в современных условиях формировать положительное отношение к объекту исследования? Да, если сконцентрирует внимание на деятельности пророссийских политических сил и признает право объекта изучения на свою точку зрения. К этому стремились Э. С. Кульпин-Губайдуллин, А. Р. Вяткин [16], В. К. Самигуллин, Т. А. Сенюшкина, Э. С. Муратова, С. Б. Бережкова [8] и другие исследователи; в июне 2019 года «прорвать информационную блокаду» в отношении крымских татар призвала председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко. Однако если историография будет и дальше акцентировать внимание на деятельности лишь запрещенных в России формирований, подогревая интерес к ним и ошибочно ассоциируя со всей крымско-татарской общественностью, это обусловит складывание отрицательного отношения к объекту изучения и замедлению интеграции данного этноса в российское общество. Между тем существующие тенденции оставляют белые пятна в изучении крымских татар. Так, авторы обходят своим вниманием деятельность пророссийских движений «Милли фирмка», «Кырыым бирлиги», «Себат» и др., хотя традиция их изучения (с историографическими экскурсами) была заложена О. В. Рябцевым [30], А. Р. Никифоровым [28] и другими авторами еще до «крымской весны». Напротив, практически каждый шаг руководства «Меджлиса крымско-татарского народа» становится предметом изучения политологов. Нуждаются в дополнительном изучении и другие сюжеты. Например, из российских публикаций неясны детали телефонного разговора Президента России В. В. Путина с лидером «Меджлиса» М. Джемилевым. Нуждаются в подтверждении или опровержении слухи об активной подготовке экстремистски настроенных лиц (которые могут не иметь к крымским татарям никакого отношения) к активным действиям в 2014 году (так называемые схроны). Учитывая определенную выгоду для государства в обнародовании подобных сведений, их замалчивание можно объяснить либо ложностью самой информации, либо временным нежеланием раскрывать ее источники. Отсутствие публикаций исторических источников о роли крымских татар также выглядит белым пятном на фоне бума работ разного научного

уровня⁶ (их пытаются ограничить результатами анкетирования и интервью).

На сегодняшний день не проанализированы конкретные причины частичного недоверия крымских татар в отношении российской власти. Выводы о «коллективной виктимности» и «тропе зависимости» нельзя признать исчерпывающими; в числе причин недоверия можно назвать отказ российской администрации от предоставления крымским татарам 20-процентной квоты в органах власти, ограничение земельных само-захватов, общий экономический спад (частично спровоцированный призывами руководства «Меджлиса» к экономической блокаде Крыма), жесткость власти в отношении подозреваемых участников зарубежных экстремистских организаций, сокращение числа религиозных организаций в 2014–2015 годах с 1409 до 221 [10: 125], но

детального анализа еще не проведено. При этом может оказаться, что на фоне межэтнических отношений в украинский период истории полуострова нынешняя оппозиционность крымских татар сильно преувеличена и является абсолютно нормальным явлением в условиях развития демократического общества.

Важной особенностью является сохранение историографических традиций в изучении истории крымских татар. Даже противоречия между национальным и пророссийским направлениями изучения теперь воспринимаются как традиция. События 2014 года привлекли в тему много новых лиц, но лидирующие позиции в науке сохранили представители «старой» школы. Уход из жизни известных специалистов не обнулил их вклад в науку и в перспективе может стать базисом для дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По мнению профессора Т. А. Сенюшкиной, в Крыму к 2014 году проживали около 300 тысяч крымских татар, что составляло примерно 13 % от всего населения полуострова [35: 186]. Эти данные близки к результатам российской переписи в октябре 2014 года, по которой к крымским татарам себя причисляли 12,6 % населения полуострова [6: 66].

² Этот пример близок к истории с учебником под редакцией А. А. Данилова, Л. Г. Косулиной и М. Ю. Брандта для 9-х классов с неосторожными фразами о чеченцах и ингушах. Учитывая целевую аудиторию учебника, акцентировать подобные сюжеты нецелесообразно во избежание провоцирования межэтнических конфликтов.

³ Автор статьи не берет на себя смелость подсчитать общее количество публикаций, посвященных «крымской весне». Профессор Саратовского госуниверситета А. А. Вилков предложил ориентироваться на электронные поисковые системы; так, по запросу в поисковой системе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU с ключевым словом «Крым» по тематике «политика, политические науки» за период с 1991 по 2014 год система показала 309 научных публикаций, тогда как с 2014 до лета 2019 года таковых в поисковике стало уже 1347 [11: 23]. Если расширить поисковый запрос до исторической и других общественно-научных тематик, то число публикаций вырастет в несколько раз.

⁴ Вопрос о правописании названия данной организации показывает отношение авторов к ее статусу. Использование кавычек при упоминании «Меджлиса» подразумевает название политической партии, деятельность которой запрещена в России с апреля 2016 года (предупреждение о возможном запрете было вынесено крымской прокуратурой еще в июле 2014 года). Отказ от кавычек указывает на название официального органа управления, что никогда не соответствовало реальности. Несмотря на приверженность первому подходу, автор статьи сохраняет варианты написания из анализируемых публикаций.

⁵ Подобное направление исследований в руках пропагандистов способно стать базисом для деления общества по принципу «свой» – «чужой», под которым может подразумеваться соответствие общественных настроений государственной идеологии (сравните с определением «общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания)» в «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» по указу Президента РФ от 19.12.2012 года). В некоторых публикациях фразы об обысках в крымско-татарских организациях и проведении политики идентичности органами власти Российской Федерации разделяют только абзацный отступ [4: 129]. Тем не менее это направление исследований полезно для анализа отношения крымских татар к современной политической ситуации.

⁶ Ряд документов о деятельности крымско-татарских организаций вошли в сборник источников о «крымской весне» [13: 210–225]. Но в интервью Р. И. Бальбека не было упоминаний о действиях ни крымских татар в феврале – марте 2014 года в целом, ни его предшественника Л. Э. Исламова; вице-премьер крымского правительства сконцентрировал внимание на противоречиях внутри руководства «Меджлиса» и его агрессивных планах. При этом составители сборника не включили в него материалы пророссийских крымско-татарских организаций, в частности ОО «Себат».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранец В. Н. Спецоперация Крым – 2014: Документально-исторический роман. М.: Комсомольская правда, 2019. 460 с.

2. Баранов А. В. Позиционирование и стратегии активности этнополитических движений Крыма в условиях воссоединения региона с Россией // Политическая экспертиза: ПОЛИТЕЭКС. 2014. Т. 10. № 2. С. 174–184.
3. Баранов А. В. Крымско-татарское движение: тенденции конфликтности и участия в миростроительстве // Власть. 2015. № 1. С. 209–212.
4. Баранов А. В. Этнополитические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму: сравнительный анализ. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. 235 с.
5. Баранов А. В. Трансформации региональной, этнических и конфессиональных идентичностей крымчан в контексте воссоединения Крыма и России // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2016. № 5. С. 4–18.
6. Баранов А. В. Конкуренция политических идентичностей в Крыму и условия укрепления российской национальной идентичности // II Ялтинские научные чтения. Крым в истории России: прошлое и настоящее. Симферополь: Ариал, 2017. С. 64–70.
7. Баранов А. В. Изменения этнической структуры населения Крыма в постсоветский период: дрейф идентичностей и миграционные процессы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14). № 4. С. 351–360.
8. Бережкова С. Б. Услышать крымских татар: опыт исследований ФАДН России в Республике Крым // Материалы VII междунар. социол. Грушинской конф. «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях». М.: ВЦИОМ, 2017. С. 1081–1084.
9. Буткевич С. А. Этнополитический экстремизм в Республике Крым: историческая ретроспектива и современные реалии // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 56–61.
10. Вдовиченко О. В. Особенности религиозного влияния на развитие гражданского общества в Республике Крым // Консервативные традиции и либеральные ценности в постсоциалистической России. Саратов: Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина, 2016. С. 124–126.
11. Вилков А. А. Политическая составляющая в проблематике Крыма в отечественном научном дискурсе 2014–2019 гг. // Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы: Сб. науч. ст. по материалам шестой Междунар. научно-практ. конф. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 23–34.
12. Возгрин В. Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма: В 4 т. СПб.: Нестор-История, 2013. Т. 1. 871 с. Т. 2. 932 с. Т. 3. 880 с. Т. 4. 620 с.
13. Григорьев М. С., Котикиди О. Ф. Крым: история возвращения. М.: Кучково поле, 2014. 400 с.
14. Гусаков Т. Ю. Современные особенности образа жизни и подвижности крымско-татарского населения в степной зоне Республики Крым // Теоретические и прикладные проблемы географической науки. Воронеж: ВГПУ, 2019. Т. 1. С. 578–583.
15. Деревенский Б. Г. Крым: прошлое и настоящее: Школьный путеводитель. СПб.: Балтийская книжная компания, 2015. 96 с.
16. Ефимов С. А. Бифуркационные контексты этнической истории крымских татар: незавершенный проект Э. С. Кульпина // Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира: Тезисы XXX Харакского форума. Симферополь: Ариал, 2016. С. 85–89.
17. История Крыма: В 2 т. / Отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2019. Т. 2. 792 с.
18. Кульбачевская О. В. Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 106–118.
19. Лелюхина А. М., Жуковский А. Ю. Самовольное занятие (самозахват) земельных участков в Республике Крым // Актуальные проблемы природообустройства, кадастра и землепользования. Воронеж: ВГАУ, 2016. С. 155–160.
20. Масляков Д. С. Особенности политico-правового регулирования межнациональных отношений в Республике Крым // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 6. С. 130–136.
21. Михайленко А. Н. Крым год спустя // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 3 (81). С. 30–38.
22. Мукомель В. И., Хайкин С. Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68.
23. Мукомель В. И. Крым в ожидании перемен: социально-экономический аспект // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 141–156.
24. Мукомель В. И. Мифология идентичности // Миф в истории, политике, культуре: Сб. материалов II Междунар. науч. междисциплинар. конф. Севастополь: Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019. С. 321–323.
25. Муратова Э. С. Ислам и крымские татары после 2014 года // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2017. Т. 13. № 1. С. 133–144.
26. Муратова Э. С. Крымские мусульмане во Львове: анализ феномена вынужденных переселенцев // Релігієзнавчі нариси. 2017. № 7. С. 87–105.
27. Непомнящий А. А., Севастянов А. В. Может ли история оправдывать политическую концепцию? // Историческая экспертиза. 2017. С. 146–150.
28. Никифоров А. Р. Политические процессы в крымскотатарском национальном движении (2010–2013 гг.) // Вісник СевНТУ. 2013. № 145. С. 214–218.

29. Поляков В. Е. Крымскотатарский фактор в современной жизни Крымского полуострова // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Казань: Институт истории АН РТ, 2018. С. 162–165.

30. Рябцев О. В. Крымско-татарское национальное движение: современное состояние и перспективы развития. Ростов н/Д: Изд-во СКНФ ВШ ЮФУ, 2007. 163 с.

31. Савицкий И. В. Российская историография о вхождении Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3 (164). С. 43–50.

32. Савицкий И. В. «Крымская весна» в российских диссертационных исследованиях 2014–2018 гг. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8. С. 142–146.

33. Самигуллин В. К. Крым: историко-правовой аспект // Проблемы востоковедения. 2014. № 3 (65). С. 13–19.

34. Сенюшкина Т. А. Этнополитическая ситуация в Крыму: анализ, прогноз, тенденции // Вопросы развития Крыма: Науч.-практ. дискуссионно-аналит. сб. Симферополь: Сонат, 2012. Вып. 16. С. 373–379.

35. Сенюшкина Т. А. Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора // Проблема суверенности современной России. М.: Наука и политика, 2014. С. 182–191.

36. Сенюшкина Т. А. Воссоединение Крыма с Россией как этнополитический процесс // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 4. С. 75–91.

37. Стариков Н., Беляев Д. Россия. Крым. История. СПб., 2015. 256 с.

38. Старченко Р. А. Референдум в Крыму 16 марта 2014 г.: причины и последствия // Вестник Российской нации. 2015. № 1 (39). С. 182–206.

39. Старченко Р. А. Государственная национальная политика: крымско-татарский аспект // Вестник Российской нации. 2016. № 1 (46). С. 159–170.

40. Тагиров И. Р. Крым в контексте событий украинского «Майдана» // Конфликтология. 2014. № 3. С. 61–86.

41. Такала И. Р., Соломеш И. М. «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 годов // Российская история. 2009. № 3. С. 66–71.

42. Узнародов Д. И. Этносоциальные процессы в Крыму в постсоветский период: конфликтогенные факторы и исторические предпосылки // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2016. № 3 (191). С. 60–66.

43. Широкорад А. Б. Битва за Крым. От противостояния до возвращения в Россию. М.: Вече, 2014. 352 с.

44. Широкорад А. Б. Крым – 2014. Как это было? М.: Вече, 2016. 352 с.

45. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / Ред. В. Ю. Зорин, Р. А. Старченко, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2017. 216 с.

46. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н. В. Киселёва, А. В. Мальгин, В. П. Петров, А. А. Форманчук. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.

47. Williams B. - G. The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. 522 p.

Поступила в редакцию 05.03.2020

Ivan V. Savitsky, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
sawiz@onego.ru

VIEWS OF RUSSIAN SCHOLARS AND PUBLICISTS ON THE ROLE OF THE CRIMEAN TATARS IN THE “CRIMEAN SPRING”

This paper investigates the materials of Russian authors published from 2014 to 2019, which deal with the role of the Crimean Tatars in the “Crimean Spring” and their attitude towards incorporating Crimea into the Russian Federation. Unlike issues connected with the earlier periods in the history of this ethnic group, this topic has not been thoroughly studied. Moreover, the importance and relevance of this historiographical research are determined by the complexity of integrating the Crimean Tatars into Russian society, politicization of this process and other related issues, and a large number of recent publications in various research areas. The paper aims to systematize the existing materials, identify distinctive and common features in these publications, and trace the continuity of the authors’ points of view on the Crimean Tatars’ activities during the events of 2014 (i. e., their participation in pro-Russian rallies in February and the Crimea’s status referendum in March, their attitude towards the statutory acts of the Russian government and the resulting economic and political situation in general). The research subject is the process of building a historiographical framework around the Crimean Tatars issue from thematic and chronological perspectives. The initial stage of the contemporary historiography development is characterized by publicistic flavor and polydisciplinary nature, therefore, the author uses the works of historians, ethnologists, political scientist, lawyers and journalists, classifying them by groups and research directions. The article identifies three directions in the studies of the Crimean Tatars: 1) the critical one, which negatively assesses the activities of the Crimean Tatars’ national organizations; 2) the loyal one, which

focuses on the positive behavior of this ethnic group representatives; 3) and the ethnopolitical one, which seeks to provide a comprehensive analysis of all the aspects of the Crimean Tatars issue. The entire historiographical process can be conventionally divided into three periods without clear time boundaries: 1) the politicized period (from 2014 to early 2016); 2) the period of empirical research (from 2015 to late 2016); 3) and the period of scholarly understanding (since 2017). The author also emphasizes the persistence of pre-2014 historiographical traditions in the studies of the Crimean Tatars' history; the lack of uniform interest in the national organizations' activities among the researchers; certain blind spots and understudied areas in studying the role of such organizations in the events of 2014; and slow formation of the source base for examining this issue.

Keywords: Crimean Spring, Crimean Tatars, ethnopolitics, Russian historiography, national associations, ethnic integration

Cite this article as: Savitsky I. V. Views of Russian scholars and publicists on the role of the Crimean Tatars in the "Crimean Spring". *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 50–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.516

REFERENCES

1. Baranets V. N. Special operation Crimea – 2014. Moscow, 2019. 460 p. (In Russ.)
2. Baranov A. V. Positioning and strategies of the Crimea region ethno-political movements' activity in the context of reunification with Russia. *Political expertise: POLITEX*. 2014. Vol. 10. No 2. P. 174–184. (In Russ.)
3. Baranov A. V. The Crimean Tatar movement: the tendencies of conflicts and participation in peace-building. *Vlast'*. 2015. No 1. P. 209–212. (In Russ.)
4. Baranov A. V. Ethno-political conflicts in the Northwest Caucasus and Crimea: a comparative analysis. Rostov-on-Don, 2015. 235 p. (In Russ.)
5. Baranov A. V. Transformations of regional, ethnic and confessional identities of Crimeans in the context of the reunification of the Crimea with Russia. *Perm Federal Research Centre Journal*. 2016. No 5. P. 4–18. (In Russ.)
6. Baranov A. V. Political identities' balance in Crimea and the conditions of strengthening Russian national identity. *II Scientific Readings in Yalta. "Crimea in Russian History: Past and Future"*. Simferopol, 2017. P. 64–70. (In Russ.)
7. Baranov A. V. Changes to the ethnic structure of the Crimea population in the post-Soviet period: identity drift and migration processes. *Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*. 2018. Vol. 4 (14). No 4. P. 351–360. (In Russ.)
8. Berezhkova S. B. To hear the Crimean Tatars' concerns: Russia's Federal Agency for Ethnic Affairs research in the Republic of Crimea. *Proceedings of the VII Grushin International Sociological Conference "Towards the Future. Forecasting in Sociological Research"*. Moscow, 2017. P. 1081–1084. (In Russ.)
9. Butkevich S. A. Ethnopolitical extremism in the Republic of Crimea: historical retrospective and modern realities. *Altai Law Journal*. 2018. No 3 (23). P. 56–61. (In Russ.)
10. Vdovichenko O. V. Specific nature of the religion's impact on civil society development in the Republic of Crimea. *Conservative traditions and liberal values in post-socialist Russia*. Saratov, 2016. P. 124–126. (In Russ.)
11. Vilkov A. A. Political dimension of the Crimean issue in Russian scholarly discourse in 2014–2019. *Fifth Anniversary of Crimea's Reunification with Russia: Outcomes and Perspectives: Proceedings of the VI International Research and Practice Conference*. Saratov, 2019. P. 23–34. (In Russ.)
12. Vozgrin V. E. History of the Crimean Tatars: essays on the ethnic history of the indigenous people of Crimea: In 4 vols. St. Petersburg, 2013. Vol. 1. 871 p. Vol. 2. 932 p. Vol. 3. 880 p. Vol. 4. 620 p. (In Russ.)
13. Grigor'ev M. S., Kovitidi O. F. Crimea: history of return. Moscow, 2014. 400 p. (In Russ.)
14. Gusakov T. Yu. Modern way of life and mobility patterns of the Crimean Tatar population in the steppe region of the Republic of Crimea. *Theoretical and applied aspects of geographical science*. Voronezh, 2019. Vol. 1. P. 578–583. (In Russ.)
15. Derevenskiy B. G. Crimea: the past and the present. School guide. St. Petersburg, 2015. 96 p. (In Russ.)
16. Efimov S. A. Bifurcation contexts of the ethnic history of the Crimean Tatars: unfinished project of E. S. Kulpin. *Political space and social time: identity and everyday life in the life-world structure: Proceedings of the XXX Charax Forum*. Simferopol, 2016. P. 85–89. (In Russ.)
17. History of Crimea: In 2 vols. (A. V. Yurasov, Ed.). Moscow, 2019. Vol. 2. 792 p. (In Russ.)
18. Kulbacheskaya O. V. Ethno-social situation and interethnic relations in Crimea. *Herald of Anthropology*. 2019. No 4 (48). P. 106–118. (In Russ.)
19. Lelyukhina A. M., Zhukovskiy A. Yu. Arbitrary land occupation in the Republic of Crimea. *Contemporary issues of environmental engineering, land registry and land use*. Voronezh, 2016. P. 155–160. (In Russ.)
20. Maslyakov D. S. Features of political and legal regulation of interethnic relations in the Republic of Crimea. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2018. Vol. 18. No 6. P. 130–136. (In Russ.)
21. Mikhaylenko A. N. Crimea a year later. *Etnosocium and Interethnic Culture*. 2015. No 3 (81). P. 30–38. (In Russ.)

22. Mukomel' V. I., Khaykin S. R. The Crimean Tatars after the “Crimean Spring”: transformation of identities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016. No 3. P. 51–68. (In Russ.)

23. Mukomel' V. I. Crimea in expectation of changes: socio-economic context. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019. No 2. P. 141–156. (In Russ.)

24. Mukomel' V. I. The mythology of identity. *Myth in history, politics, culture: Proceedings of the II International Interdisciplinary Research Conference*. Sevastopol, 2019. P. 321–323. (In Russ.)

25. Muratova E. S. Islam and the Crimean Tatars after 2014. *Islam in the Modern World*. 2017. Vol. 13. No 1. P. 133–144. (In Russ.)

26. Muratova E. S. Crimean Muslims in Lviv: The analysis of the phenomenon of internally displaced persons. *Essays on Religious Studies*. 2017. No 7. P. 87–105. (In Russ.)

27. Nepomnyashchiy A. A., Sevast'yanov A. V. Can history justify a political concept? *Historical Expertise*. 2017. No 1. P. 146–150. (In Russ.)

28. Nikiforov A. R. Political processes in the Crimean Tatar national movement (2010–2013). *Bulletin of Sevastopol National Technical University*. 2013. No 145. P. 214–218. (In Russ.)

29. Polyakov V. E. The Crimean Tatar factor in the modern life of the Crimean Peninsula. *Positive experience of ethnosocial and ethnocultural processes in the regions of the Russian Federation*. Kazan, 2018. P. 162–165. (In Russ.)

30. Ryabtsev O. V. The Crimean Tatar national movement: current state and prospects of development. Rostov on Don, 2007. 163 p. (In Russ.)

31. Savitsky I. V. Russian historiography about the Crimea entering the Russian Federation in 2014. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 3 (164). P. 43–50. (In Russ.)

32. Savitsky I. V. Crimean spring in Russian theses of 2014–2018. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2019. No 8 (64). P. 142–146. (In Russ.)

33. Samigullin V. K. Crimea: historical and legal aspect. *The Problems of Oriental Studies*. 2014. No 3 (65). P. 13–19. (In Russ.)

34. Senyushkina T. A. Ethno-political situation in Crimea: analysis, forecast, trends. *Issues of Crimea development: collection of applied research, discussion and analytical works*. Simferopol, 2012. Vol. 16. P. 373–379. (In Russ.)

35. Senyushkina T. A. Civilizational identity as a factor of Crimean choice. *The problem of modern Russia's sovereignty*. Moscow, 2014. P. 182–191. (In Russ.)

36. Senyushkina T. A. Crimea and Russia reunion as ethno-political process. *Political Expertise: POLITEX*. 2015. Vol. 11. No 4. P. 75–91. (In Russ.)

37. Starikov N., Belyaev D. Russia. Crimea. History. St. Petersburg, 2015. 256 p. (In Russ.)

38. Starchenko R. A. The Crimean referendum of March 16, 2014: causes and consequences. *Bulletin of Russian Nation*. 2015. No 1 (39). P. 182–206. (In Russ.)

39. Starchenko R. A. State national policy: the Crimean Tatar aspect. *Russia and the Moslem World*. 2016. No 8 (290). P. 39–50. (In Russ.)

40. Tagirov I. R. Crimea in context of events of Ukrainian “Maidan”. *Konfliktologia*. 2014. No 3. P. 61–86. (In Russ.)

41. Takala I. R., Solomeshch I. M. “The unknown war”? Two centuries of historiography of the Russo-Swedish war (1808–1809). *Russian History*. 2009. No 3. P. 66–71. (In Russ.)

42. Uznarov D. I. Ethno-social processes in Crimea in the post-soviet period: conflictogenic factors and historical roots. *Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasus Region. Series: Social Sciences*. 2016. No 3 (191). P. 60–66. (In Russ.)

43. Shirokorad A. B. Battle for Crimea. From confrontation to its return to Russia. Moscow, 2014. 352 p. (In Russ.)

44. Shirokorad A. B. Crimea – 2014. How did it all happen? Moscow, 2016. 352 p. (In Russ.)

45. Ethnic and ethno-political map of Crimea. Organization of monitoring and early prevention of ethnic and religious conflicts. (V. Yu. Zorin, R. A. Starchenko, & V. V. Stepanov, Eds.). Moscow, 2017. 216 p. (In Russ.)

46. Ethno-political processes in Crimea: historical experience, contemporary problems, and prospects for solving them. Simferopol, 2015. 352 p. (In Russ.)

47. Williams B.-G. The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation. Leiden, Boston, Köln, 2001. 522 p.

Received: 5 March, 2020